

ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗМА И ОТРАЖЕНИЕ ЕГО В РЕГИОНАЛЬНЫХ ТИПАХ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ЕВРОПЕ В XVI—XVIII ВЕКАХ

А. Н. Чистозвонов

Капитализм возникает и развивается в недрах существовавших до него способов производства, в условиях их разложения. Европейский капитализм вырос из феодализма, на базе определенных предпосылок, из которых главными были: 1) развитие простого товарного хозяйства и купеческо-ростовщического капитала; 2) разложение на этой основе натурально-хозяйственной базы феодального производства.

Эти и прочие факторы и обстоятельства к исходу периода развитого средневековья (XV век) имели своим результатом большое по тем временам возрастание общих объемов товарной массы. Вместе с тем все чаще и в городе и в деревне использовалась для найма свободная или относительно свободная рабочая сила. Развитие денежной ренты не только вписывалось в эти процессы, но создавало новые ситуации. В условиях денежной ренты важным явлением становится капитализированная рента, выступающая как «цена земли». Развивается практика отчуждения земли, ее продажа, что пробивает бреши в земельной монополии феодалов, а земля начинает обращаться на рынке наряду со все возрастающим количеством других средств производства, в том числе и орудий труда. Этот факт имел решающее значение, ибо внутренний рынок развивается главным образом за счет обращения на нем средств производства¹.

Экономически все эти явления резюмировались примерно к концу XV в. в развитых и политически централизованных странах Европы в складывании национального рынка как категории товарного хозяйства. Затрагивая теоретический аспект этой проблемы, В. И. Ленин писал: «Для разбора основных теоретических положений о внутреннем рынке мы должны исходить из простого товарного хозяйства и следить за постепенным превращением его в капиталистическое»².

Следует при этом оговорить, что под понятие «национальный рынок», с нашей точки зрения, не могут быть для рассматриваемого периода подведены межобластные и межгосударственные торговые связи в странах, лишь формально объединенных в некое подобие политической общности, как, например, Германская империя или «Италия», существовавшая тогда еще лишь как географическая категория.

Разложение феодального способа производства и феодальной собственности на этой стадии выражалось преимущественно в разном рода внутренних диспропорциях, деформациях и перестройке,

¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 41.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 21.

не затрагивавших основ феодализма. Так, денежная рента и государственное налогообложение приспособились к улавливанию значительно большей массы «национального продукта». Натурально-хозяйственная основа воспроизводства, феодальная собственность и рента продолжали играть роль главных регуляторов товарности хозяйства. Под видом «продажи» земельной собственности чаще всего обнаруживалась уступка лишь ограниченных прав на пользование ею, замаскированная ростовщическая ссуда и т. п. Применение наемного труда в деревне связывалось обычно с элементами принуждения, а в городе не сопровождалось освобождением самих нанимателей от личного труда, не обеспечивало расширенного воспроизводства. И средства производства и рабочая сила обращались на рынке в относительно малых размерах, не обладали не только качествами специфически-капиталистических, но сплошь и рядом простых товарных категорий, что сковывало действие закона стоимости, деформировало процессы ценообразования, исключало в тех условиях «возможность капиталистического богатства»³. Поэтому данную, начальную стадию разложения феодальных институтов можно характеризовать как формационный его тип. Тем не менее деформация прежней феодальной структуры поземельных отношений была налицо, а одним из важных ее социальных последствий было интенсивное, пока еще имущественное расслоение крестьянства.

Развитие простого товарного хозяйства как фактора зарождения предпосылок капитализма в тех исторических условиях обеспечивалось в той или иной стране, если его компоненты имелись во всем их комплексе и хотя бы в потенции занимали ведущее место в общей ее социально-экономической эволюции. Это заставляло господствующий класс феодалов и политическую надстройку идти по пути приспособления к прогрессивному развитию, используя его в своих интересах в рамках существующего феодального строя, что закреплялось благоприятным для утверждения этих явлений исходом классовой борьбы и конфликтов внутри класса феодалов.

Наличие в стране лишь отдельных из указанных факторов, неблагоприятный для их комплексного развития и закрепления исход классовой борьбы и конфликтов внутри класса феодалов, захват ключевых позиций в сфере товарного производства и обмена реакционными слоями господствующего класса могли приводить и приводили к обратимому варианту процесса в той или иной стране в различных его модификациях, к победе сил феодальной реакции, порою очень устойчивой.

В интересующем нас аспекте можно сравнить исход классовых битв крестьянства и борьбы внутри феодального класса во Франции и Англии, с одной стороны, и в Чехии — с другой.

Во Франции, где вторая половина XIV — первая половина XV вв. проходили под огромным воздействием событий Столетней войны 1337—1453 гг., укрепление строя «чистой сеньории», крестьянского хозяйства как основы сельской экономики, возобладание государственной централизации над силами феодальной раздробленности и феодальной реакции не раз оказывались под угрозой. Однако патриотический народный подъем, перевес среди господствующего класса тех сил, которые поддерживали централизованную королевскую власть, мощные городские и крестьянские восстания (Парижское восстание 1356—1358 гг., городские восстания 1379—1384 гг., восстание кабошьенов 1413 г., Жакерия 1358 г., восстание тюшенов 1382—1384 гг.⁴, партизанская война пер-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 729.

⁴ А. В. Конокотин. Жакерия 1358 года во Франции. «Ученые записки» Ивановского государственного педагогического института. Т. 35. 1964; М. М. Себенцова. Восстание тюшенов. «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Т. XVIII, вып. 4, 1954; R. Hilton, *Bond Men Made Free*. L. 1973, pp. 116—117, 121—123, 129—132.

вой трети XV в.), несмотря на их неудачи, внесли свой вклад в дело победы над внешним врагом, способствовали поражению планов феодальной реакции и в политической и в социально-экономической сферах. И французское крестьянство и французские города, несмотря на все испытания, сохранили свою экономическую жизнеспособность. В царствование Людовика XI национальное объединение и государственная централизация были в основном завершены, товарное хозяйство в деревне и городская экономика получили дальнейшее развитие. В стране сложился прочный внутренний национальный рынок⁵. Все это в целом создало предпосылки для последующего возникновения капитализма.

В Англии влияние Столетней войны ощущалось в меньшей степени — преимущественно в форме все возраставших военных «субсидий». Процессы же развития в деревне товарного хозяйства, имущественного расслоения крестьянства, складывания нового, предпринимательского по духу дворянства — джентри, эволюция манора были выражены более рельефно, чем во Франции. При этом уже тогда наметилась тенденция к сближению интересов деревенской верхушки (фригольдеров и крупных арендаторов) с джентри. Зато среди бедноты значительной популярностью пользовались примитивно-уравнительные идеи. Крупнейшими классовыми битвами английского крестьянства XIV—XV вв. были восстания 1381 г. под руководством Уота Тайлера и 1450 г. под руководством Джека Кэда. В первом четко определилось различие требований зажиточного и беднейшего крестьянства, сформулированных соответственно в Майлендской и Смитфилдской программах. Но радикальный тезис доллардов «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?», их требование всеобщего имущественного и социального равенства не нашли четкой формулировки даже в Смитфилдской программе⁶. В восстании Джека Кэда приняли участие не только крестьяне, но и рыцари, джентри, джентльмены, купцы. Главные программные требования руководящей верхушки сводились к пресечению коррупции властей, возвращению королю его расхищенных доменов, отмене «статута о рабочих». Уравнительные идеи имели распространение, но в программные документы не вошли⁷. В обоих восстаниях сказались прокоролевские иллюзии крестьян.

Главное острие крестьянской борьбы было направлено в то время против остатков крепостничества, злоупотреблений властей, вокруг нормы присвоения прибавочного продукта, захватов общинных земель, военных субсидий (восстания в 1489 г. в Йоркшире и Дереме, 1497 г. в Корнуолле)⁸. Хотя и антифеодальные по своей природе, все эти восстания не ставили еще целью свержение феодализма как такового, а лишь устранение наиболее ненавистных его сторон. Несмотря на поражение, они способствовали закреплению тенденции к росту удельного веса товарного хозяйства, созданию предпосылок для буржуазного развития. В ходе «войны роз» конца XV в. силам феодальной реакции и сепаратизма был нанесен мощный удар и созданы предпосылки для становления абсолютизма.

Иными оказались итоги гуситских войн 1419—1437 годов. Несмотря на широкий размах крестьянского движения, союз восставших

⁵ L. Calmette. Le grande Regne de Louis XI. P. 1938, pp. 99, 230—235.

⁶ Д. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. М. 1914, стр. 140—205; Ю. М. Сапрыкин. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV—XVI вв. М. 1972, стр. 22—32.

⁷ Е. В. Кузнецов. Восстание в Англии 1450—1451 гг. под руководством Джека Кэда и Уильяма Парминстера. Горький. 1969; его же. Исследования по истории народных движений в странах Западной Европы XIII—XV вв. «Ученые записки» Горьковского государственного университета. Вып. 95. Серия историческая. 1971; Ю. М. Сапрыкин. Указ. соч., стр. 106—112, 130—131.

⁸ Ю. М. Сапрыкин. Указ. соч., стр. 132; R. Hilton. Op. cit., pp. 224, 232.

крестьян с городами и частью чешского дворянства (правда, распавшийся к 1433 г.), наконец, почти общеевропейский отклик, гуситское восстание, окрашенное, помимо религиозных и социальных мотивов, освободительными идеями, потерпело поражение. Тенденция к укреплению и росту товарного хозяйства была задушена силами феодальной реакции, поведшей страну к «второму изданию крепостничества», самые жестокие формы которого восторжествовали после Белогорской битвы 1620 года⁹. Идеи уравниательства, нашедшие воплощение в тезисе о «своего рода хилиастической общности имущества», проявились и здесь, у таборитов, но, по определению Ф. Энгельса, не вышли практически за рамки «чисто военной меры»¹⁰.



Развитие производительных сил, общественного разделения труда является определяющим фактором прогресса во всех общественно-экономических формациях. Именно эти явления, встретившись с препятствием в лице отживавших свой век феодальных производственных отношений, привели сначала к разложению последних (в том числе соответствующих форм собственности), а затем и к революционной их замене отношениями буржуазными, основывавшимися на капиталистической собственности. В этот процесс органически вписывается и развитие простого товарного хозяйства, эволюционировавшего к капитализму.

Рынок, как верный барометр, регистрировал возросший напор на него рабочей силы и средств производства, превращавшихся в товар, что создавало главные условия для трансформации его в рынок капиталистический. И здесь при прочих благоприятных условиях процесс мог медленно развиваться в русле дифференциации, что не удовлетворяло, однако, назревших потребностей западноевропейских стран. Импульс к быстрому, коренному повороту социально-экономического развития Европы в XVI—XVII вв. был дан комплексом других факторов, нашедших свое выражение в процессе так называемого первоначального накопления.

Экспроприация и обезземеливание крестьян составляли его ядро, и в целом на долю процесса первоначального накопления выпадала главным образом разрушающая работа: отрыв непосредственных производителей от средств производства, сосредоточение их и денежных богатств в руках немногих, сокрушение неподвижности феодального строя, приведение в движение всех его слоев, создание условий для складывания капиталистического способа производства как такового.

Экспроприация крестьянства и ремесленников «создает непосредственно лишь крупных земельных собственников» и бродячих деклассированных пауперов, то есть только потенциальных капиталистов и пролетариев. Реализация же этой потенции требует и определенных условий, и времени, и свирепого насилия по отношению к экспроприированным¹¹.

Степень влияния процесса первоначального накопления на закрепление необратимого типа генезиса капитализма прямо зависит от комплексности и эффективности арсенала его методов, охвата им всей тер-

⁹ Б. Т. Рубцов. Гуситские войны. М. 1955, стр. 306—313.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 364; R. Hilton. *Op. cit.*, p. 134. Рост товарности крестьянского хозяйства в Чехии и Моравии уже во второй половине XIV в. сопровождался увеличением барщины, заметным ухудшением земельного и лично-правового статуса крестьянства, то есть возникновением тенденции к феодальной реакции (Б. Т. Рубцов. Исследование по аграрной истории Чехии. М. 1963, стр. 176—193, 208, 222—233, 236—247, 268—269, 293—297, 308—330, 332—343; Ю. Ф. Иванов. Проблемы развития чешской деревни в XIV — начале XV в. «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. 1964, № 217, стр. 117—118, 120—121, 123, 126—131).

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 753, 744.

ритории той или иной страны, обеспечения развития процесса со стороны государства. Некомплексные и замедленные формы первоначального накопления могли оставаться и нейтральными в этом аспекте, а то и идущими навстречу обратимому типу. Во всех случаях, однако, они могли повлечь за собой и влекли максимальные диспропорции между созданием потенциальных и реальных пролетариев и капиталистов как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, и в количественном и в пространственно-временном аспектах.

Общеизвестно четко сформулированное К. Марксом положение о том, что «начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Там, где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право и поблекла блестящая страница средневековья — вольные города»¹². Как видно, заключительная часть этой формулировки содержит существенные ограничители, предостерегающие от распространения понятия «эра капитализма» на все страны Европы XVI века.

Основной формой промышленного капитала в рамках всего мануфактурного периода (XVI—XVIII вв.) является капиталистическая мануфактура, и в конечном счете именно от того, какое место она занимала в общей экономической структуре той или иной страны (оставляя в стороне прочие обстоятельства), зависел и ход в ней буржуазного развития в целом.

Когда капиталистический способ производства в сфере промышленности достигает определенной устойчивости в рамках уклада¹³, простое товарное производство эволюционирует из предпосылки капитализма в его важнейший резерв, а то и разновидность; ростовщический же и купеческий капитал из самостоятельных отделившихся частей капитала — в составные его части с особыми функциями (торговый, кредитный). Происходит это не автоматически и бесконфликтно, а в борьбе, слияниях и расщеплениях разных экономических форм и категорий.

Переворот в общественном способе производства протекает «сре-ди пестрого хаоса» переходных и промежуточных форм¹⁴. Раз возникнув, капитализм со свойственным ему динамизмом преобразует в нужном ему духе сферы обмена и распределения. В период генезиса капитализма происходит процесс трансформации рынка из категории товарного хозяйства в категорию хозяйства капиталистического, при следующих основных условиях: а) когда рабочая сила превращается в товар и обращается на рынке труда в количестве, достаточном для ее систематического применения в масштабах всей страны; б) когда в сферу рыночного обращения втягиваются в широких размерах средства производства, в том числе и земля; в) когда национальный рынок становится частью образующегося мирового капиталистического рынка. «Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала»¹⁵, — констатировал К. Маркс. Мировой рынок необходим капитализму, так как присущее ему расширенное воспроизводство и широкое товарное обращение выходят сразу же за пределы государственных границ. Наряду с национальным и мировым товарным складываются национальный и мировой денежный рынки. На них происходят такие важнейшие процессы, как цено- и курсообразование, трансформация прибавочной стоимости в среднюю норму прибыли. Процес-

¹² Там же, стр. 728.

¹³ Немаловажное значение при выяснении степени развитости буржуазных отношений имеет определение того, как мы понимаем функциональное значение термина «уклад». С нашей точки зрения, под такое определение подходит не простое наличие разрозненных очагов незрелых форм капиталистического производства, а лишь такая степень зрелости и развития капитализма, когда он становится органической составной частью, необходимым сектором всей экономической системы той или иной страны, которая без него уже не может нормально функционировать.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 484.

¹⁵ Там же, стр. 157.

сы, происходившие здесь, оказывали мощное обратное воздействие на все сферы производства, утверждали и поддерживали гегемонию купеческого капитала, типичную для всей мануфактурной стадии капитализма.

По-новому выглядела и сфера распределения. Теперь законы распределения все больше определялись закономерностями буржуазного способа производства: а) характером буржуазной собственности; б) тем, что продукт выступает как товар, в свою очередь, являющийся продуктом капитала; в) тем, что целью производства является создание прибавочной стоимости, самовозрастание капитала. На этой основе и происходит распределение доходов в форме заработной платы (наемный труд), прибыли (капитал) и ренты (земельная собственность)¹⁶.

Такова общетеоретическая постановка вопроса. В рассматриваемых же исторических условиях процессы в сфере распределения искусственно деформируются вмешательством различных сил, в первую очередь феодальной политической надстройки. Она через посредство своего аппарата производит перераспределение прибавочного продукта и прибавочной стоимости, созданных в секторах товарного и капиталистического производства в интересах господствующего класса феодалов.

Все эти и иные компоненты в их комплексе плюс связанная с процессом генезиса капитализма «революция цен» создавали в европейских странах в мануфактурный период разные типы инфляционной конъюнктуры: а) производительную, главные выгоды от которой извлекал промышленный капитал; б) торговую, когда «сливки» снимал купеческий капитал. Изучения и определения требует и тот тип инфляционной конъюнктуры, который складывался в странах Центральной и Восточной Европы в условиях «второго издания крепостничества», связанный с присвоением главных выгод помещиками-крепостниками, а оставшихся крох — прозябавшим бюргерством и узкой прослойкой купечества. В подобных условиях национальный рынок, если он существовал, продолжал оставаться категорией товарного хозяйства и хирел, поскольку преобладающая роль крепостного поместья означала большой шаг назад, к натурализации во всех сферах экономики. И рынок здесь формировали не купцы и мануфактуристы буржуазной генерации, а помещики-крепостники, купцы-посредники, цехи и т. п. элементы.



Теперь следует выяснить, какие последствия из всего этого вытекали для аграрной сферы, господствующего класса феодалов и феодального крестьянства, какие основные типы аграрного развития сложились в тех европейских странах и регионах, о которых речь пойдет ниже.

В период развитого феодализма, хотя прогрессивные импульсы исходили в основном из города, определяющее значение имела сфера сельского хозяйства. С началом генезиса капитализма определяющие (и для сельского хозяйства) явления совершаются в сферах промышленности и обмена. При этом экономическая структура капиталистического общества возникает из разложения структуры феодальной.

Для европейских стран в целом исторически эти процессы по преимуществу одновременны и взаимосвязанны. Но последствия разложения феодализма теперь уже иные по сравнению с первым типом (формационным, в XIV—XV вв.), когда они не были связаны с разложением основ феодализма. Для рассматриваемого второго типа речь идет уже о таких количественных изменениях, которые приводят к разложению основ феодализма, соприкасаются с зарождением капитализма, то есть переходят в качественные. Этот второй тип, датируемый XVI—XVIII вв.,

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 452—456.

можно рассматривать как трансформационный, или переходный. В то же время при конкретном историческом анализе необходимо четко отличать симптомы и факторы разложения феодализма от симптомов и факторов генезиса капитализма во избежание преувеличения уровня развития последнего. Процессы разложения феодализма, происходившие в рассматриваемый период в сфере сельского хозяйства, были связаны с эволюцией в буржуазном направлении денежной ренты и аренды, феодальной собственности, товарного хозяйства. Возобладавшая в XV в. последняя форма феодальной ренты — денежная — оставалась способом присвоения прибавочного труда феодально зависимого крестьянина. В то же время она была уже формой разложения феодальных производственных отношений и феодальной собственности. Почти полностью устранялось «внеэкономическое принуждение». Развитие сначала феодальной, а затем промежуточных и переходных форм аренды (половничество и др.) влекло за собою потерю крестьянином владельческих прав на землю, элементы «обуржуазивания» феодальной земельной собственности, становившейся более «полной». В этих условиях, например, арендатор-испольщик претендует на часть дохода потому, что он владеет частью орудий труда, выступает как «капиталист сам для себя», тогда как феодальный землевладелец получает свою часть «не только в силу собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал»¹⁷. Тогда же, когда феодал-землевладелец превращается в простого рантье, а крестьянин — в цензитария, цензива медленно эволюционирует в фактическую «крестьянскую собственность», обычно отягощенную ростовщическими ипотеками. Последняя тенденция, как подчеркивал К. Маркс, неизбежно ведет «к превращению земли в свободную крестьянскую собственность», первая же — «к форме капиталистического способа производства». Здесь заложена основа многовекового пути генезиса капиталистического фермера. Эволюция денежной ренты в буржуазном направлении, однако, не обладает механизмом спонтанной самореализации. В рассматриваемый период она зависит «от общего развития капиталистического производства вне пределов сельского хозяйства», а правилом такой вариант может стать только в странах, которые в мануфактурный период «господствовали на мировом рынке»¹⁸.

В создании буржуазной земельной собственности можно выделить четыре основных звена: 1) покупка, расхищение и захваты капиталистами земель (в условиях первоначального накопления и вне их), благодаря чему такие земли превращались в буржуазную собственность, а их владельцы — в собственников буржуазного типа; 2) превращение феодалами (обычно поэтапно) своей феодальной собственности на землю в буржуазную, а самих себя — в лендлордов; 3) выкуп феодальных повинностей (капитализированной ренты), скупка мелких земельных участков и т. п. бывшими феодально зависимыми крестьянами, с превращением таких земель в мелкокрестьянскую (мелкобуржуазную) земельную собственность, а ее владельцев — в мелких аграриев буржуазного типа; 4) постепенное поглощение всех остатков докапиталистических форм землевладения буржуазной собственностью, капитализмом, превращение их «в экономическую форму, соответствующую этому способу производства»¹⁹.

Одновременно с изменением характера общественных отношений и земельной собственности рента из формы присвоения феодалом прибавочного труда зависимого крестьянина становилась превышением над средней нормой прибыли. В более или менее чистом виде

¹⁷ Там же, стр. 367.

¹⁸ Там же, стр. 361—363.

¹⁹ Там же, стр. 166.

она складывалась в мануфактурный период в трех типах хозяйств: а) у фермера-арендатора; б) у дворян, превративших свою феодальную собственность в буржуазную и ведших самостоятельное предпринимательское хозяйство; в) у капиталистов, вложивших деньги в землю с аналогичными целями. Последние получают распространение (как чистые инвесторы капитала) лишь при достаточном уровне развития промышленного производства. Повсеместно здесь наемные рабочие прямо создавали прибавочную стоимость, из которой в первом варианте землевладелец удерживал в виде арендной платы превышение над средней нормой прибыли, то есть капиталистическую ренту.

Этим «радикальным вариантам» противостоит, сопутствует и переплетается с ними четвертый, олицетворяемый мелкокрестьянским земельным собственником. В нем пределом эксплуатации «является... заработная плата, которую он (крестьянин.— А. Ч.), за вычетом собственнo издержек, уплачивает сам себе»²⁰. В исторической перспективе это путь эволюции бывшего феодально зависимого крестьянина в мелкого агрария буржуазного общества.

Как и повсюду в рассматриваемый период, прямые и «чистые» формы аграрного буржуазного развития встречались относительно редко. Преобладание же оставалось за пестрым хаосом переходных и «стертых форм», олицетворявшихся множеством видов аренды, эксплуатации и т. п.



Так выглядит суммарно генеральная линия генезиса капитализма в Европе на мануфактурной стадии, в начале эры капитализма. Конкретно-историческое ее воплощение было куда более сложным не только в локально-страноведческом, но и в региональном аспекте, который имеет первостепенное значение для постановки данного вопроса.

В наиболее завершенном виде аграрная революция в рассматриваемый период свершилась лишь в Англии, в которой, по определению К. Маркса, «все исторически унаследованные распорядки, там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены»²¹. Но в том же направлении, хотя и в более замедленном темпе, происходило разложение феодальных, развитие товарных и зарождение буржуазно-фермерских форм сельскохозяйственного производства в таких странах, как Нидерланды и Франция²², в некоторых западных землях Германской империи.

Это дает основание рассматривать указанный ареал как западноевропейский регион прогрессивного для того времени буржуазного развития. Разумеется, этим не снимаются имевшие место и довольно существенные особенности в каждой из упомянутых стран²³.

Иначе обстояло дело в тех областях Центральной и Восточной Европы, где спонтанный ход хотя и замедленного, но поступательного экономического и политического развития был задержан или прерван особыми причинами внутреннего или внешнего порядка. Там расширение товарности сельского хозяйства в связи с увеличением спроса на продовольствие и сырье со стороны шедших по пути капиталистического развития стран Западной Европы, юридическая незащищенность поземельного и личного статуса немецких крестьян-колонистов, облегчавшая зе-

²⁰ Там же, стр. 370.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26, ч. II, стр. 256.

²² R. Mousnier. Les XVI et XVII siècles. «Histoire générale des civilisation», T. IV. P. 1954, pp. 64—65.

²³ С. Д. Сказкин. Очерки истории западноевропейского крестьянства в средние века. М. 1968, стр. 281—284.

мельные захваты и массовый сгон крестьян, укрепление норм римского права были использованы дворянством для утверждения «второго издания крепостничества». Суть его сводилась к возрождению обширных поместий, основанных на барщинном труде вторично закрепощенных крестьян. Но нацелены они были не столько на обеспечение личного потребления помещика, сколько на производство товарной массы сельхозпродуктов для сбыта их частью на внутреннем, а главным образом на внешнем рынке. В этой своей функции новое поместье соприкасалось с категориями разложения феодального базиса.

Здесь следует остановиться лишь на некоторых общих теоретических аспектах такого варианта развития.

Одним из проявлений складывания системы европейских государств было международное общественное разделение труда, до тех пор существовавшее лишь в зародыше. Теперь промышленно развитые страны, опираясь на большую производительность ремесла и промышленности, в сфере сельского хозяйства специализировались на выращивании трудоемких культур, интенсивном животноводстве и т. п. Страны же, задерживавшиеся в своем развитии, постепенно превращались в аграрно-сырьевую периферию первых, поставляя прежде всего зерно.

Меньшая производительность сельского хозяйства в масштабах всей Европы позволяла крепостническим поместьям, с их «цивилизованным ужасом чрезмерного труда»²⁴ вновь закрепощенных крестьян, на основе натурально-хозяйственных форм воспроизводства, хозяйствования без существенных вложений капиталов до поры до времени успешно конкурировать с мелкотоварным и фермерским хозяйством XVI—XVIII вв., где прогресс агрикультуры и агротехники, рост производительности труда были еще невелики, а издержки — значительны.

«Революция цен» и связанная с нею особая конъюнктура²⁵, механизм которой в странах «второго издания крепостничества» изучен еще недостаточно, также давали определенные временные преимущества этим зернопроизводящим аграрным регионам. В барщинно-крепостническом поместье акцент снова падал на элемент внеэкономического принуждения, движимая собственность поляризовалась в сфере феодальной земельной собственности, а крестьянин низводился до положения составной части средств производства. Это сокращало накопление капиталов и объем товарно-денежных отношений, так как вело к растрачиванию доходов помещиками на непроизводительные цели.

Наряду с этим господствующим в разных областях региона в различных пропорциях были представлены и другие экономические секторы: например, традиционное крестьянское чиншевое держание, даже преобладавшее в некоторых областях Польши, Северо-Западной Руси и т. д.²⁶. Как правило, к исходу мануфактурного периода (вторая половина XVIII в.) первая тенденция одерживала полную победу. Но остается дискуссионным вопрос: тенденция к укреплению мелкокрестьянской собственности представляла собой особый путь или только переходный этап

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 247 сл.

²⁵ См. Ж. П. Пах. Барщина и наемный труд в помещичьем домениальном хозяйстве Венгрии в XVI—XVII веках. «Вопросы истории», 1972, № 9, стр. 94—97.

²⁶ См. Е. Топольский. Рефеодализация в экономике крупных землевладельцев в Центральной и Восточной Европе. V Международный конгресс экономической истории в Ленинграде. М. 1970, стр. 12; Н. Е. Носов. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. V Международный конгресс экономической истории в Ленинграде. М. 1970, стр. 12—13; В. И. Мелешко. Фольварочное хозяйство в крупных частных и государственных владениях Восточной Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией). Тезисы докладов на XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рига — Сигулда. 1970, стр. 120—122. Отсылки к русскому и польскому материалу в данной статье носят частный характер, в целом ни судьбы их аграрного развития, ни характер крестьянских движений по ним не рассматриваются.

в становлении «второго издания крепостничества»? Являлась ли эта тенденция лишь локальным или периферийно-окраинным отклонением от определяющей, генеральной линии эволюции, представлявшей собою всестороннюю феодальную реакцию?

При этом не следует забывать: а) что наличие, а то и преобладание парцеллярного крестьянского хозяйства²⁷ даже при капитализме предполагает потребление самими производителями главной доли сельскохозяйственного продукта в качестве непосредственного средства существования «и лишь избыток над этой долей может как товар входить в торговлю с городами»²⁸ и т. д.; б) что в процессе более или менее массового сгона крестьян феодального типа одновременно создавалась новая их генерация в лице закрепощенных коттеров, бобылей и батраков, владевших обычно уже лишь приусадебным участком, картофельным полем и т. д.²⁹. Позднее же стали образовываться и хозяйства гроссбауэров.

Специфичны были судьбы итальянских земель и Испании. В наиболее развитых северных и центральных областях Италии изменение в неблагоприятную для них сторону внешнеторговой конъюнктуры, закрепленное изменением торговых путей, связанных с образованием мирового капиталистического рынка, трагический для ее судеб исход «итальянских войн» XVI в. имели своим итогом свертывание или прозябание ростков капитализма в промышленности, утечку капиталов из производительных сфер в непроизводительные. Росли лишь такие города, как Неаполь, Палермо, Мессина, связанные с Испанией³⁰.

Это предопределило и пути аграрной эволюции. В Тоскане бежавшая из пришедших в упадок городов рабочая беднота устремлялась в и без того перенаселенные и страдавшие от аграрного голода деревни, что привело к созданию там кабальных форм парцеллярной аренды, к неслыханному расцвету «мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства»³¹. Савойя же и Королевство обеих Сицилий остались заповедниками крепостничества и феодальной реакции³².

В Испании огромный поток дешевых колониальных драгоценных металлов шел лишь транзитом через руки расточительного и паразитического дворянства (оседая порою только в виде сокровищ) и казны, которая тем не менее не могла покрывать расходы, связанные с гегемонистской завоевательной политикой. Испанский абсолютизм надстраивался над социально-экономической базой, в которой «аристократия приходила в упадок, сохраняя свои худшие привилегии, а города утрачивали свою средневековую власть, не приобретая значения, присущего современным городам». Государственная централизация была лишь верхушечной, прикрывая фактический политический и хозяйственный партикуляризм³³.

Под стать была и экономическая политика испанского абсолютизма, постепенно задушившая и без того хилые ростки капитализма в своей стране, а снабжение собственных колоний необходимыми товарами и даже продовольствием обеспечивавшая путем покупки их за остатки колониального золота и серебра в странах, развивавшихся по капиталистическому пути.

²⁷ G. Heitz. Zum Charakter der «zweiten Leibeigenschaft». «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1972, № 1, S. 31, 36.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 369.

²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 249, 251.

³⁰ R. Mols. Introduction à la démographie historique des villes d'Europe du XIVe au XVIIIe siècle. T. II. Louvain. 1955, pp. 504—509.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 728.

³² «История Италии». Т. I. М. 1970, стр. 484—485. Несколько иная трактовка этих проблем дается в недавно вышедшей книге: В. И. Рутенбург. Италия и Европа накануне нового времени. Л. 1974, стр. 9—21.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 432.

В Кастилии, особенно во второй половине XVI в., гранды в дополнение к своим латифундиям скупали значительную часть коронных и бывших орденских земель, а также присвоили общинные земли; они, как и города, переложили в основном на крестьян все возраставшее налоговое бремя. Итогом было массовое разорение крестьянской бедноты при все большей концентрации земель и доходов в руках непроизводительных социальных слоев: грандов, патрициата, ростовщиков. На севере страны, в Каталонии, Арагоне, Наварре, сильные позиции сохраняли крепостничество и сепаратистская знать.

В этих условиях очень рано начавшиеся и особенно бурно проходившие в Испании «революция цен» и процесс первоначального накопления породили лишь огромную армию пауперов, но создали очень мало производительных капиталов, потенциальных и реальных капиталистических предпринимателей в городе, а тем более в деревне. В последней, по имеющимся данным, дело не пошло дальше складывания в Кастилии и еще некоторых областях районов монокультурного торгового земледелия³⁴.

Таким образом, несмотря на существенные различия, в целом ход процесса генезиса капитализма в итальянских землях и Испании был по крайней мере близок к однотипному, обратимому, что и позволяет объединить их условно в один общий средиземноморский регион.

Скандинавия в собственном смысле этого слова с большим запозданием приобрела феодальный облик, а феодализм в ней так и оставался «недостроенным» до уровня остальных стран Европы. В то же время, находясь в центре скрещения мировых торговых путей на Балтийском море, она все более тесными узами связывалась с сформировавшимся мировым рынком. При крайней слабости местных капиталов, купечество и предпринимательский элемент рекрутировались здесь в значительной своей части из натурализовавшихся ганзейцев и нидерландцев³⁵. Буржуазное торгово-промышленное развитие в ней как бы накладывалось на экономически и социально относительно слабо феодализированную сельскую экономику. При этом в прибрежных районах большой протяженности искони были развиты рыболовство и мореходство с их товарно-предпринимательскими тенденциями. В Норвегии аграрно-промысловый сектор был еще сильнее, чем в Швеции³⁶. Поэтому весь социально-экономический облик скандинавского региона был очень специфичен.



Таковы те четыре региона Европы, которые представляют интерес в связи с поставленной проблемой — выявлением основных региональных типов крестьянских движений мануфактурного периода. Эта проблема

³⁴ Н. П. Денисенко. Некоторые вопросы хозяйственного уровня кастильской деревни II половины XVI в. «Вопросы всеобщей истории». Вып. 2. Красноярск. 1972, стр. 61—63, 70—74; S. Noël. La campagne de Nouvelle Castile à la fin du XVI^e siècle, d'après les relations topographique. P. 1964.

³⁵ Крупнейшие голландские финансисты, производители и торговцы оружием Луис де Геер, Элиас Трип, Стефан Херард, Де Беске и др. разрабатывали медные и железные рудники в Швеции, строили там крупные металлургические комплексы, поставляли большие партии оружия и давали займы Густаву-Адольфу. Выходец из Льежа Маркус де Кок в 1650 г. основал в местечке Авеста уникальный для того времени промышленный комплекс, состоявший из медеплавильни, кузницы, цехов по рафинированию меди и чеканке монеты, гвоздильного цеха, лесопилни и мукомольни. Благодаря таким предпринимателям Швеция во второй половине XVII в. заняла ведущее место в европейской металлургии (см.: V. B a r b o u r. Capitalism in Amsterdam in the Seventeenth Century. Baltimore. 1950, pp. 36—39, 111—112; J. Y e r n a u x. Maurice Mathy. Une famille de pioniers industriel wallons au XVII^e siècle: les Kock de Limbourg. «Bulletin de la Classe des Lettres et des sciences morales et politiques», Académie royale de Belgique (Bruxelles), 5e Serie, t. XLXI, 1960, pp. 94—96).

³⁶ А. Я. Гуревич. Основные этапы социально-экономической истории норвежского крестьянства в XIII—XVII вв. «Средние века». Вып. XVI. М. 1954, стр. 67—72.

в последние годы привлекает внимание как буржуазных ученых, так и марксистских историков. Традиции такого рода исследований весьма прочны, в частности, в ГДР, где создана очень большая по объему и квалифицированная литература по истории Великой крестьянской войны 1524—1525 годов. Истории крестьянских движений в России в значительной своей части была посвящена каунасская сессия Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы 1971 года³⁷. В 1973 г. был проведен Международный симпозиум в Венгрии по истории крестьянского восстания 1514 г. под руководством Дьердя Дожа³⁸. Наконец, в ноябре 1974 г. в Эрфурте была проведена научная сессия, посвященная 450-летию Великой крестьянской войны 1524—1525 гг. в Германии «Крестьянская война в Германии 1524/25. История, традиции, учения», а в начале 1975 г. пройдет связанная с этим же юбилеем научная сессия в Лейпциге. Истории классовой борьбы в период позднего феодализма был посвящен Международный симпозиум в Праге в декабре 1971 года³⁹. В ходе работы этого симпозиума предлагались и различные варианты типизации крестьянских выступлений, восстаний и войн как в центрально-восточноевропейском регионе, так и в сравнительно-историческом общеевропейском аспекте. Такая, в целом плодотворная попытка была предпринята, например, в докладе доктора Э. Маура.

Сущность предложенной им концепции сводится к следующему. В Чехии, в частности, и в Центральной Европе в целом, при преобладавшем там значении поместно-крепостного строя, при котором феодал, помимо административно-судебных прав, нередко осуществлял и сбор государственных налогов со своих крепостных, антагонизм крепостной крестьянин — помещик-крепостник проявлялся в наиболее обнаженной и потому даже персонифицированной форме. Крестьянские выступления и восстания в Чехии в XVI—XVIII вв. (за исключением периода Тридцатилетней войны с его освободительными, религиозными и военно-политическими «привесками») поэтому носят, как правило, узколокальный характер, обычно в рамках поместья, лишены сколько-нибудь определенно сформулированных программ. Чаще всего это протест против введения или увеличения барщины, земельных захватов, злоупотреблений в раскладке налогов (собиравшихся также помещиками), но не против церкви, поместно-крепостной системы в целом, государственных налогов как таковых, королевской власти. Более того, последняя, из фискальных соображений кассировавшая порою земельные захваты помещиков, стремилась одновременно играть роль «беспристрастного арбитра» в спорах между крестьянами и помещиками в целях создания противовеса фрондированию последних, особенно в лице их «национальных» фракций (чешских, венгерских и т. п.). Отсюда повышенный удельный вес «прокоролевских симпатий», слабость базы для широких или общенациональных крестьянских восстаний.

Эти же в основном причины предопределяли и тот факт, что даже в собственно австрийских землях, в частности в Верхней Австрии, в 1595—1597 гг. восставшие крестьяне выдвинули лишь частные требования по отдельным владениям, а восстание 1680 г., несмотря на его размах, выглядело лишь как цепь локальных мятежей, лишенных общей программы. Сходные черты были присущи и крестьянским выступлениям в германских землях в XVII—XVIII вв., как это отмечал в своем

³⁷ См.: «Тезисы докладов и сообщений XIII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». М. 1971.

³⁸ См. Ж. П. Пах. Крестьянское восстание 1514 года и «второе закрепощение крестьян». «Доклады научной сессии 1972 г. о восстании 1514 г.». Будапешт.

³⁹ Краткий обзор его см.: А. Н. Чистозвонов. Симпозиум по проблеме классовой борьбы в период позднего средневековья в Европе. «Советское славяноведение», 1972, № 5.

докладе «Классовая борьба крестьян между Крестьянской войной и французской революцией» Г. Хейц на сессии 1974 г. в Эрфурте.

Положение изменяется лишь в конце XVIII в., когда назревает кризис системы, сознаваемый частью оппозиционной короне знати. Но и тогда крестьянские выступления, более целеустремленные и «запрограммированные», оказываются связанными с промонархистскими тенденциями, ибо прямое противостояние крепостники-помещики — крепостные крестьяне, остается доминирующим фактором.

Что же касается стран Западной Европы, Э. Маур подчеркивает прежде всего особый характер их аграрной структуры, в которой ключевые позиции занимал сеньориальный строй с присущими ему фьефрентными отношениями, с делением феодальных поземельных повинностей по горизонтали и по вертикали между целой группой сеньоров. Соответственно в крестьянском секторе ведущее место принадлежало денежной ренте, чиншам, испольщине, аренде. Чаще всего крестьянские восстания во Франции были направлены против налогового обирательства, и они пользовались сочувствием и поддержкой горожан, а порою и дворян. Прокоролевские иллюзии крестьянства давали знать о себе и здесь, ибо восставшие избирали иногда своим лозунгом «Да здравствует король, долой налоги!».

Крестьянские восстания XVI—XVII вв. (до революции) в Англии также не были социально изолированными, а их программы нередко формально были нацелены на возврат к положению, существовавшему в XV веке. Четкую социальную направленность они получают лишь в период революции⁴⁰.

В предложенной Э. Мауром сравнительно-исторической типизации крестьянских движений за исходный принцип взята структура феодальной земельной собственности и поземельных отношений. И в этой части его построение, несомненно, стоит на правильной основе. Однако, кроме отмеченных автором факторов, подлежит учету и ряд других, особенно в той части, которая относится к западноевропейскому и прочим регионам, а также некоторые общие моменты. Прежде всего нужно учитывать качественное различие между крестьянскими восстаниями мануфактурного периода до совершения буржуазных революций в тех или иных странах (или после поражения таких попыток) и крестьянскими движениями в рамках указанных буржуазных революций. Первые могли решать и решали лишь частные, локальные вопросы борьбы против феодальной эксплуатации, первоначального накопления и т. п.

Вторые являлись органическими составными частями буржуазных революций, хотя и выполняли главным образом деструктивную задачу уничтожения «феодализма, монархии, средневековья»⁴¹ в целом. Они уже рассматривались нами ранее и здесь затрагиваются лишь вскользь⁴².

Для оценки типа крестьянских движений необходимым представляется и учет того, обратимый или необратимый вариант генезиса капитализма одерживает верх в той или иной стране, регионе. Точно так же, когда ставится вопрос о «рефеодализации»⁴³, тем более применительно к аграрной сфере, нужно иметь доказательства, что в рассматриваемой стране, регионе до того имел место процесс «дефеодализации». Успехи развития простого товарного хозяйства, не затрагивающие натуральной основы и расширенного воспроизводства, с нашей точки зрения, под понятие «рефеодализация» подведены быть не могут.

⁴⁰ Этот факт отмечен и Ю. М. Сапрыкиным (см. Ю. М. Сапрыкин. Указ. соч., стр. 181).

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 168.

⁴² А. Н. Чистозвонов. О стадияльно-региональном изучении буржуазных революций XVI—XVIII веков в Европе. «Новая и новейшая история», 1973, № 2.

⁴³ См. Е. Топольский. Указ. соч.; G. Heitz. Op. cit.

Попытаемся теперь в самых общих чертах наметить региональные типы крестьянских восстаний в XVI—XVII веках. Тезис Э. Маура о тенденции к союзу, а позднее и к слиянию крестьянских и народных движений вообще с выступлениями буржуазии как о критерии, типичном для стран западноевропейского региона, в основном справедлив. Но конкретно-исторически он реализовался и во времени и в пространстве по-разному, и процесс шел зигзагообразно, представляя собою своего рода единство притяжения и отталкивания интересов буржуазии и крестьянства. Набравшее уже силу социальное расслоение крестьянства играло при этом все возрастающую роль.

«Классический» вариант первоначального накопления и аграрной революции в Англии, в ходе которых львиная доля земельных захватов приходилась на долю крупной аристократии, способствовал резкому обострению классовой борьбы английского крестьянства, имущественно уже основательно расслоившегося. Восстания крестьян были направлены против огораживаний, превращения фригольда в копигольд, повышения ренты. Восстание 1549 г. под руководством Роберта Кета наиболее четко выразило эту генеральную линию борьбы. Очень характерно, однако, что: 1) его программа не предусматривала ликвидации феодальных отношений; 2) к восстанию присоединились группы мелкого и среднего джентри, недовольных тем, что главную выгоду от огораживаний получали крупные лендлорды⁴⁴. Беднейшие слои восставших призывали к истреблению всех дворян и установлению общности имущества, но в программе и на практике все это выглядело иначе. Не без помощи городского плебса войску Кета удалось овладеть и городом Норичем. Но были и крестьянские восстания против секуляризации и распродажи монастырских земель, в частности в Линкольншире в 1536—1537 гг., поскольку секуляризация земель обычно для крестьян оборачивалась ухудшением земельно-правового статуса, а то и экспроприацией⁴⁵. Более того, крестьянско-плебейские массы севера Англии дали в 1569 г. вовлечь себя в мятеж реакционно-католической аристократии за возведение на престол Марии Стюарт.

В 90-х годах XVI в. в Англии снова прокатилась волна крестьянских движений против огораживаний, налогов, за истребление дворян-огораживателей. Начало и 30—40-е годы XVII в. ознаменовались новыми крестьянскими восстаниями против огораживаний и захватов общинных земель лендлордами⁴⁶.

К этому времени полностью оформилась оппозиция буржуазии и нового дворянства под идеологическим знаменем кальвинизма против абсолютизма Стюартов, перешедшего в наступление на ростки капитализма. Но последний приобрел в Англии уже такую силу, что подчинил себе в значительной мере мелкотоварный сектор, в том числе и деревенскую экономику. Удары по капитализму были поэтому и по товарному хозяйству и промыслам крестьян, а покровительство реакционной феодальной аристократии способствовало усилению ее произвола по отношению к крестьянам⁴⁷. Так, в условиях политического кризиса была подготовлена почва для буржуазной революции в Англии. В ходе ее крестьянство сыграло роль главной ударной силы, но исторически оно было обречено, ему предстояло быть к концу XVIII в. ликвидированным в его прежнем виде.

⁴⁴ Эта борьба джентри за землю длилась полтора столетия и увенчалась успехом. По оценке Гаррингтона, к 1650 г. им уже принадлежало до $\frac{9}{10}$ всех земель (Ю. М. Сапрыкин. Указ. соч., стр. 153; А. Конради. История революций. Т. I. М.-Пгг. 1923, стр. 180—181, 230—231).

⁴⁵ См. Ю. М. Сапрыкин. Указ. соч., стр. 181.

⁴⁶ «Английская буржуазная революция XVII века». Т. I. М. 1954, стр. 102; А. Конради. Указ. соч. Т. I, стр. 180—181, 230.

⁴⁷ А. Конради. Указ. соч. Т. I, стр. 182—183, 185—189, 231—233.

В Нидерландах с первой половины XVI в. (в лице их наиболее экономически развитых провинций), являвшихся «страной городов» и преобладания торгового капитала, крестьянство не проявляло себя как крупная социально-политическая сила. В самых крупных и очень сложных по своему содержанию классовых битвах первой половины XVI в. — движении революционных анабаптистов в северных провинциях 1534—1535 гг. и Гентском восстании 1539—1540 гг. оно сыграло в общем-то второстепенную роль. В первом анабаптистские эмиссары собрали наиболее богатую жатву либо в областях с большими историческими традициями антифеодальной борьбы исконно свободного и с большим запозданием закабаленного крестьянства, таких, как Кеннемерлант и Западная Фрисландия, либо в областях с широким развитием промыслов и торговли — Амстерланте и Ватерланте. Во втором на открытые, местами вооруженные выступления крестьян Фландрии подтолкнуло развивавшееся первоначально как антиналоговое восстание Гента и городов его «квартала»⁴⁸.

В целом это было сочетание бунта против становившейся все более реакционной политики иноземного абсолютизма, произвола местных и городских властей и тех бедствий, которые нес с собою процесс так называемого первоначального накопления; но если обратиться к деталям, то обстановка будет выглядеть значительно сложнее. В обоих движениях, особенно на начальных их этапах, участвовали городское бюргерство, цеховая масса, городской плебс, но союз этих сил был непрочен и чреват внутренними конфликтами.

Еще более осложненной выглядела позиция крестьянства в период Нидерландской революции, во время которой господствовавшее купечество с его безразличием к судьбам крестьянства, эгоистическая партикуляристская политика городов, разбойничьи действия наемных армий и испанцев, мероприятия Генеральных штатов нередко не только нейтрализовали крестьянство различных земель, но и толкали его на путь примирения с испанским господством, стихийных бунтов «против всех», в том числе и мародерствующих солдат из войск Генеральных штатов. По-видимому, поэтому же основная часть крестьянства не только южных, но и северных областей Нидерландов осталась верной католичеству⁴⁹.

Во Франции, стране классического абсолютизма и налогового гнета, львиная доля поступлений от которого перераспределялась королевской властью, хотя и по разным каналам, но в общем-то на пользу паразитическому французскому дворянству, взаимоотношения крестьянства и буржуазии представляются весьма осложненными и запутанными, а ведущая тенденция к их сближению — затяжной.

Здесь важнейшее значение имел феномен, заключавшийся в том, что «сразу же, по крайней мере с момента возвышения городов, французская буржуазия становится особенно влиятельной благодаря тому, что организуется в виде парламентов, бюрократии и т. д., а не так, как в Англии, благодаря одной торговле и промышленности»⁵⁰. Глубокое проникновение французской буржуазии в бюрократический аппарат абсолютизма, хотя бы частичная ее эволюция в «дворянство мантии», превращение ее верхушки в кровососов-откупщиков, внедрение в деревню капитала преимущественно в его ростовщической форме (ипотека и сверхцензы) — все это не могло не разъединять и на самом деле разъединяло крестьян и буржуа.

⁴⁸ См. А. Н. Чистозвонов. Гентское восстание 1539—1540 гг. М. 1957, стр. 163—171; его же. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М. 1964, стр. 267—282, 370—371.

⁴⁹ А. Н. Чистозвонов. Крестьянские движения в период Нидерландской революции. «Средние века». Вып. IV. М. 1953, стр. 181—209.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 28, стр. 322.

Первая половина XVI в. дала немало примеров антианалоговых крестьянских выступлений и восстаний, из которых наиболее крупное в 1548 г. охватило ряд провинций на юго-западе Франции. Мишенью при этом обычно были буржуа-откупщики и сборщики налогов. Гражданские войны второй половины XVI в., распространение кальвинизма среди крестьян на юго-западе страны, военные опустошения и ожесточенная борьба придворных клик, усиление партикуляризма и сепаратизма отдельных городов и провинций настолько осложнили обстановку, что очень трудно делать какие-либо попытки типизации крестьянских восстаний этого времени. Как типичное все же может рассматриваться восстание «кроканов» на юго-западе Франции, явившееся своеобразным бунтом крестьянского отчаяния против всех власть и силу имущих «грызунов», — дворян, откупщиков, сборщиков налогов, представителей местных властей.

Тем не менее можно констатировать по крайней мере тот факт, что конец гражданской войны во Франции не сопровождался феодальной реакцией в сфере аграрных отношений. Уже сложившийся строй французской сеньории остался в основном тем же, а тенденция к укреплению экономической роли крестьянского хозяйства получила определенную, хотя незначительную и изрядно приправленную демагогией поддержку в годы царствования Генриха IV⁵¹.

Стабилизация абсолютизма в XVII в., новый налоговый и сеньориальный нажим на крестьянство⁵², особенно усилившийся после вступления Франции в Тридцатилетнюю войну, породили серию преимущественно антианалоговых крестьянских восстаний в 1624—1639 гг., но связь их с буржуазным элементом четко прослеживается лишь во время восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 году.

Фронда в середине XVII в. втягивает в свою орбиту крестьянство, которое, однако, выступает раздробленно, стихийно и часто оказывается вовлеченным в политические козни то той, то другой из соперничавших аристократических оппозиционных групп. Сколь угодно прочной связи с буржуазным элементом не прослеживается⁵³.

Восстание камизаров 1702—1705 гг. как бы итожит тип крестьянских восстаний во Франции XVI—XVII веков. В нем сливаются воедино антианалоговые, антисеньориальные, антиабсолютистские и кальвинистско-гугенотские традиции, вплоть до политического сепаратизма и связей с антифранцузской коалицией, сложившейся в ходе войны за испанское наследство 1702—1705 годов. Но главными требованиями восставших были: прекращение религиозных репрессий, отмена «несправедливых» налогов и ликвидация деспотизма. Определенные связи с городами и буржуа у камизаров имелись, благодаря им они приобретали часть необходимого им оружия и боеприпасов, но их сектантская нетерпимость влекла за собой отрыв от собратьев — крестьян-католиков⁵⁴.

Рубежом это время было и в истории французского абсолютизма, который вступал в стадию своего упадка, перехода от централизации к децентрализации, от покровительства, хотя и своекорыстного, буржуазии к ее подавлению в союзе с реакционным феодальным дворянством⁵⁵. Эта политика на достигнутом Францией уровне буржуазного развития наносила удар равным образом и по укреплявшемуся мелкотоварно-крестьянскому сектору, угрожала не только разорением цензитария, арендатору и нарождавшемуся фермеру, но и доходам присосавшейся к ним ростовщической буржуазии.

⁵¹ А. Д. Люблинская. Франция в начале XVII века (1610—1620 гг.). Л. 1959, стр. 94—101.

⁵² R. Mousnier. Op. cit., pp. 154—155.

⁵³ Б. Ф. Поршнев. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М. 1970, стр. 145—153.

⁵⁴ См. А. Коробочко. Восстание камизаров 1702—1705 гг. «Средние века». Вып. III. 1951.

⁵⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 308.

В этих условиях крестьянские восстания во Франции XVIII в. (голодные бунты в Нормандии 1752—1768 гг., антиналоговое и антисеньориальное восстание «маскатов» в Виварэ и Жеводане 1783—1786 гг.) явились прологом классовых битв грядущей революции, «которая путем парцеллирования уничтожила крупное землевладение»⁵⁶. Именно такой вариант устраивал французскую буржуазию, владевшую сверхцензами и ипотеками, обуржуазившуюся крестьянскую верхушку. Что же обеспечило во Франции и других странах западноевропейского региона постепенное сближение классовой борьбы крестьянства с буржуазным элементом? Как показывает исторический опыт, экономическим критерием в значительной, если не решающей степени, был уровень капиталистического развития и соответственно степень подчинения капитализму простого товарного производства, в частности крестьянского хозяйства в деревне, их «сращивания», социальным критерием — степень социального расслоения крестьянства. Специфический же строй западноевропейской сеньории и повышенная роль централизованной феодальной ренты в виде все возрастающего налогового обложения, производ абсолютистских властей заменяли противостояние крепостной — помещик — капиталист, противостоянием феодально зависимый цензитарий или арендатор — феодально-абсолютистский строй в его целом.

В центрально-восточном европейском регионе тип крестьянских движений XVII—XVIII вв. был иным. После поражения гусизма в Чехии и крестьянской войны в 1514 г. в Венгрии под руководством Дьердя Дожа верх одержал курс на укрепление феодальной реакции⁵⁷. Большим ударом было и поражение Реформации и Великой крестьянской войны в Германии 1524—1525 гг., являвшихся по своему объективному содержанию неудавшейся попыткой совершить буржуазную революцию. После этого пути крестьянства и прозябавших консервативной буржуазии и бюргерства в зонах господства поместно-крепостного строя разошлись, а активность классовой борьбы крестьянства в германских землях резко упала.

Во время восстания в Верхней Австрии 1595—1597 гг. бюргерство привилегированных городов Штейера и Фрейштадта выступило против восставших крестьян⁵⁸. Изолированными остались крестьянские выступления в Чехии в начале Тридцатилетней войны, а поражение чешской армии в битве при Белой горе 1620 г. развязало окончательно силы феодальной реакции. Последующие разрозненные крестьянские мятежи в Чехии, Австрии, германских землях без труда были подавлены войсками так же, как бунты отчаяния в конце Тридцатилетней войны. К исходу ее, как отмечал Ф. Энгельс, «в самом бедственном положении был опять-таки крестьянин»⁵⁹.

Это не значит, что крестьянские восстания были напрасными или безрезультатными. Они порою одерживали те или иные успехи локального масштаба, в первую очередь в труднодоступных горных районах и в зонах преобладания чиншевых поземельных отношений. В частности, в Верхней Австрии итогом крестьянских восстаний в период Тридцатилетней войны было закрепление 14-дневной барщины в году, установленной интеримом 1597 г., нарушавшимся, однако, впоследствии феодалами⁶⁰.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 222.

⁵⁷ См. Б. Т. Рубцов. Гуситские войны, стр. 313; «Доклады научной сессии 1972 г. о восстании 1514 г.». Енэ Сюч. Идеология крестьянской войны 1514 г., стр. 5—8, 11—12, 31—34, 38—39, 50—53; Я. Варга. Урегулирование земельных отношений крепостных крестьян после подавления крестьянского восстания, стр. 1—3.

⁵⁸ Н. Н. Самохина. Феодальная реакция в Австрии во второй половине XVI в. и крестьянское восстание 1595—1597 гг. «Средние века». Вып. V. М. 1954, стр. 104—105.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19 стр. 341.

⁶⁰ Н. Н. Самохина. Указ. соч., стр. 110.

В средиземноморском регионе, в поделенной завоевателями на части Италии, 1647 год характеризовался крупными крестьянскими движениями под лозунгами отмены налогов, изгнания испанских властей и их ставленников, уравниательства. Одновременно в Неаполе и его сельской округе произошло мощное восстание против роста налогов и испанской деспотии под руководством рыбака Томмазо Аньело. Однако в обоих случаях богатые горожане не только не поддержали крестьян, но оказали прямую помощь испанским властям и войскам в подавлении этого восстания⁶¹.

В Испании же восстание коммунаров 1520—1522 гг. показало, что города не поддерживали требования кастильского крестьянства, а противоречия между городским сословием, грандами и идальгией были сильнее их вражды к абсолютистской тирании. Такая же в своей основе расстановка классовых сил сложилась в одновременных восстаниях крестьян в округе г. Валенсии и на о. Майорка, где тоже крестьяне выдвинули эгалитарные требования⁶².

Восстание в Каталонии 1640—1653 гг. резко размежевало его участников. Дворяне и городская верхушка боролись за сохранение своих средневековых вольностей и привилегий, за отделение Каталонии от Испании даже ценою подчинения ее Франции. Крестьяне же и городской плебс Барселоны имели свои счеты с богатыми и феодалами, подобно их собратьям по классу «*gemenses*» XV в., а вступивших в Каталонию и, как обычно, мародерствовавших и угнетавших французов они считали захватчиками. Раскол движения предопределил его поражение⁶³.

Таким образом, весь этот цикл восстаний не выдвинул требований, шедших дальше традиционного уравниательства и истребления феодалов, не столько, может быть, как класса эксплуататоров, сколько как «предателей общего дела», испанских (в королевстве обеих Сицилий) или французских (в Каталонии) пособников. Связи крестьянских восстаний с городами прослеживаются, но это были связи средневекового, а не буржуазного характера. Конфессиональный момент, так сильно выраженный в германских землях, Чехии и частично Франции, здесь зачастую полностью отсутствует. В основном это борьба за сохранение или возврат к прежнему, за ограничение степени эксплуатации, а не за ликвидацию феодализма в целом, не за новые, буржуазные начала.

Скандинавский регион дает особый тип крестьянских движений, в котором преобладает вооруженное сопротивление тенденциям к усилению феодального, налогового и чиновничьего угнетения, которые по времени хотя и совпадали с конструированием «второго издания крепостничества», по сути же дела, были ближе к завершению процесса феодализации этих стран, происходившего со значительным запозданием. Переплетение этих тенденций отчетливо прослеживается в крестьянских выступлениях второй половины правления Густава Вазы, в «дубинной войне» 1596—1597 гг. в Финляндии, в антифеодальных крестьянских восстаниях 40-х годов XVII в. в Швеции⁶⁴.

Начало процесса генезиса капитализма здесь, связанное преимущественно с XVII в., широкое развитие рыболовецкого, мореходного, лесного и других промыслов среди крестьянства, втягивание Швеции и Норвегии в мировой капиталистический рынок объективно придавали крестьянским движениям «пробуржуазный» характер. Однако общая за-

⁶¹ «История Италии». Т. I, стр. 494—495.

⁶² Р. Альтамира-и-Кревеа. История Испании. Т. II. М. 1951, стр. 23—35.

⁶³ Там же, стр. 102—107; R. Hilton. Op. cit., pp. 125, 130, 133.

⁶⁴ А. С. Кан. Антифеодальные выступления шведского крестьянства в XVII веке. «Средние века». Вып. VI. М. 1955; его же. Социально-экономическая характеристика шведской деревни первой половины XVII в. «Средние века». Вып. IX. М. 1957; В. Я. Евсеев. Крестьянское восстание «дубинная война» и финское народное творчество. «Скандинавский сборник». Вып. VIII. Таллин. 1957.

торможенность развития в условиях отмеченной специфики открывала объективно большие возможности для эволюции, чем для революции.

Буржуазия стран скандинавского региона была в рассматриваемый период немногочисленна и пока еще достаточно крепко «привязана» к королевской власти. Наличие значительной прослойки свободного крестьянства, а следовательно, и свободной рабочей силы, делало ее не особенно чувствительной к усилению феодально-крепостнических тенденций, характерному для XVII века. Крестьянские выступления поэтому оставались социально и политически изолированными, порою в своекорыстных целях использовались борющимися группировками господствующего класса. Поэтому даже в случае их успеха они решали лишь локальные или частные вопросы.

В целом же задачи революционного ниспровержения феодализма в рамках рассматриваемого хронологического периода крестьянство успешно могло решать и решало лишь в ходе буржуазных революций мануфактурного периода, с разными для себя последствиями, что особенно четко выражено в английском и французском вариантах, общих в своем целом — революционной победе капитализма, — но специфических в частности. Все попытки крестьянства «осознать свою силу», — писал В. И. Ленин, — по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет»⁶⁵. Совершенно очевидно, что для мануфактурного периода существовала лишь вторая возможность, реализованная только в странах западноевропейского региона.

Такой в самых общих чертах выглядит постановка вопроса о региональных типах крестьянских движений в Европе в XVI—XVIII веках. Подробная и более фундированная панорама этой проблемы — задача специальных исследований и обобщающих трудов. Тем не менее можно констатировать, что простое совпадение во времени крестьянских или крестьянско-плебейских выступлений в рассматриваемый период в различных регионах и странах не может априорно оцениваться как их органический комплекс или как однозначное явление. Особенно это относится к совпадавшим во времени движениям такого рода с революциями мануфактурного периода, в частности с английской середины XVII в., что порою встречается в марксистской историографии⁶⁶. Каждое из таких крупных выступлений нуждается в специальном анализе, прежде чем решать вопрос об их органической связи или идентичности.

Вместе с тем подлежат учету и те обстоятельства, что возникновение мирового капиталистического рынка и капитализм даже в его мануфактурной стадии способствовали складыванию общеевропейской экономической конъюнктуры, системы (а не суммы, как до того) европейских государств, развязыванию длинной серии «торговых войн» и общеевропейских конфликтов, подобных Тридцатилетней войне. Вследствие этого обострение социально-политической борьбы в такие периоды могло охватывать более или менее одновременно многие страны континента, а в общеевропейских конфликтах, подобных Тридцатилетней войне, опосредованно могли в той или иной мере решаться и судьбы нарождавшегося капитализма.

⁶⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 136—137.

⁶⁶ Б. Ф. Поршнев. Политические отношения между Западной и Восточной Европой в эпоху Тридцатилетней войны. «Вопросы истории», 1961, № 10, стр. 58; V Historiker-Kongress der DDR. Dresden. 12—15. XII 1972.—G. Schilfert. Die Stellung der bürgerlichen Revolution des 16.—18. Jahrhunderts im welthistorischen Prozess und deren Auswirkung besonders auf Deutschland. B. 1972, S. 36.